

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Франц
КАФКА

Замок
Рассказы

Москва

2019

УДК 821.112.2-3(436)
ББК 84(4Авс)-44
К30

Перевод с немецкого
Оформление серии *Н. Ярусовой*

Кафка, Франц.

К30 Замок : [роман]. Рассказы : [пер. с немецкого] / Франц Кафка. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с. — (Всемирная литература).

ISBN 978-5-04-103141-1

Творчество австрийского писателя Франца Кафки удивительно глубоко и многогранно, его стиль неповторим и своеобразен. Личность Кафки столь же неординарна, как и его произведения. Одни считали его пророком своего времени, другие — гениальным сумасшедшим. Бесспорно одно: Франц Кафка — один из тех писателей, кто оказал мощное влияние на литературу XX века. Роман «Замок» для многих поколений стал культовой книгой, до сих пор завораживающей причудливым переплетением правды и вымысла.

УДК 821.112.2-3(436)
ББК 84(4Авс)-44

- © Рудницкий М., перевод на русский язык, 2019
- © Апт С., перевод на русский язык. Наследники, 2019
- © Архипов Ю., перевод на русский язык, 2019
- © Гальперина Р., перевод на русский язык. Наследники, 2019
- © Райт-Ковалева Р., перевод на русский язык. Наследники, 2019
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103141-1

ЗАМОК

Глава I ПРИБЫТИЕ

Был поздний вечер, когда К. добрался до места. Деревня тонула в снегу. Ни горы, ни Замка не было видно, мрак и туман окутали гору сплошь, и мощный Замок там, наверху, не выдавал себя ни единым проблеском света. Стоя на деревянном мосту, по которому уползал от тракта к деревне одинокий проселок, К. долго вглядывался в эту обманчивую пустоту.

Потом пошел искать ночлег. В трактире еще не спали, хозяин, правда, комнат не сдавал, но, застигнутый врасплох и даже напуганный приходом позднего гостя, согласился уложить К. на полу, прямо между столов, на соломенном тюфяке. К. не стал возражать. Несколько крестьян сидели за пивом, ему, однако, ни с кем говорить не хотелось, и он, сам стащив тюфяк с чердака, улегся поближе к печке. Сразу стало тепло, мужики сидели тихо; усталым, но пристальным взглядом он какое-то время на них поглядывал, потом уснул.

Вскоре, однако, его разбудили. По-городскому одетый чернявый молодой человек — лицо актерское, глазки щелочкой, брови щеточкой — склонился над ним на пару с хозяином. Посетители еще не ушли, а некоторые из любопытства даже развернули стулья в их сторону. Молодой человек весьма учтиво извинился за беспокойство, представился сыном замкового кастеляна, после чего заявил:

— Деревня относится к владениям Замка, и всякий, кто здесь живет или ночует, в известном смысле живет или ночует в Замке. Без графского разрешения это не дозволено.

У вас разрешения нет, во всяком случае, вы его не предъявили.

Приподнявшись на локтях, К. сел, пригладил волосы, глянул на обоих снизу вверх, потом спросил:

— Это в какую же деревню меня занесло? Замок — это ведь здесь?

— Разумеется, — произнес молодой человек вразяжку, а кое-кто из мужиков даже укоризненно головой покачал. — Замок господина графа Вествеста.

— И чтобы переночевать, требуется разрешение? — переспросил К., словно желая удостовериться, не снится ли ему, часом, все услышанное.

— Да, разрешение иметь надо, — раздалось в ответ, причем в голосе молодого человека слышалась легкая издевка, зазвучавшая почти неприкрыто, когда он, разведя руками и обращаясь к хозяину и остальным, добавил: — Или, может, теперь уже и разрешения не требуется?

— Что ж, придется брать разрешение, — зевнув, сказал К. и откинул одеяло, намереваясь встать.

— Это у кого же? — опешил молодой человек.

— У господина графа, — ответил К. — Больше вроде не у кого.

— Сейчас, среди ночи, брать разрешение у господина графа? — вскричал молодой человек и даже отпрянул на шаг.

— А что, это невозможно? — невозмутимо проронил К. — Тогда зачем было меня будить?

Тут фигляр и вовсе вышел из себя.

— Вы эти босяцкие замашки бросьте! — заорал он. — Попрошу с уважением относиться к указаниям властей! Я вас для того и разбудил, чтобы уведомить: вам надлежит немедленно покинуть графские владения!

— Да ладно комедию-то ломать, — подчеркнуто спокойно, тихим голосом ответил К., снова ложась и натягивая на себя одеяло. — Вы, молодой человек, слишком много на себя берете, и к вашему поведению мы завтра утром еще вернемся. А хозяин и вот эти господа будут свидетелями, если таковые мне вообще понадобятся. Кроме того, позвольте вам сообщить: я землемер и вызван сюда по указанию графа. По-

мощники мои со всеми приборами подъедут завтра. А я не смог отказать себе в удовольствии пройтись по снежку, да вот, к сожалению, заплутал, потому и пришел так поздно. Я и сам, без поучений ваших, знаю, что являться в Замок сейчас не время и не след. Почему и решил довольствоваться таким вот ночлегом, который вы, мягко говоря, соизволили столь неучтиво нарушить. На этом пояснения мои исчерпаны. Доброй ночи, господа!

С этими словами К. повернулся лицом к печке.

— Землемер? — недоверчиво переспросил кто-то у него за спиной, потом наступила мертвая тишина. Однако молодой человек недолго пребывал в растерянности; голосом, достаточно сдавленным, чтобы не потревожить сон незнакомца, но и достаточно внятным, чтобы при желании его можно было слышать, он бросил хозяину:

— Надо запросить по телефону.

Как? Неужели в этой убогой корчме даже телефон есть? Неплохо же у них тут все обустроено. Телефон, впрочем, удивил К. лишь отчасти, чего-то в этом роде он, пожалуй, ожидал. Оказалось, телефон висит чуть ли не у него над головой, — прежде то ли от усталости, то ли со сна он этого не заметил. Если молодой человек вздумает сейчас звонить, он хочешь не хочешь обязательно К. потревожит, вопрос лишь в том, подпускать его к телефону или нет. К. подумал и решил не препятствовать. Но тогда нет смысла прикидываться спящим — и К. снова повернулся на спину. Он увидел, как мужики, испуганно сбившись в кучку, что-то обсуждают, — видимо, приезд землемера здесь целое событие. Тут отворилась дверь кухни, и в проеме, заполнив его чуть не целиком, воздвиглась мощная фигура хозяйки; хозяин на цыпочках поспешил к ней дать необходимые пояснения. А между тем телефонные переговоры уже шли полным ходом. Кастелян спал, однако младший кастелян, вернее, один из младших кастелянов, некий господин Фриц, оказался на месте. Молодой человек, назвавшись Мракауэром, доложил, как и где он обнаружил К., незнакомца лет тридцати весьма потрепанного вида, спящим как ни в чем не бывало на соломенном тюфяке, под головой — небольшой рюкзак, тут же, поодаль, сукова-

тая палка. Ясное дело, ему это показалось подозрительным, а поскольку трактирщик своими обязанностями явно пренебрег, он, Мракауэр, тем более посчитал необходимым во всем разобраться. Побудка, предварительный опрос и правомочная угроза выдворения из графских владений восприняты незнакомцем с чрезвычайным неудовольствием, впрочем, как выяснилось в дальнейшем, быть может, и обоснованным, ибо господин этот утверждает, будто является землемером, вызванным якобы по распоряжению господина графа. Разумеется, по меньшей мере проформы ради эти его слова надо проверить, в связи с чем он, Мракауэр, и просит господина Фрица справиться в главной канцелярии, действительно ли ожидается прибытие землемера или кого-то в этом роде, а выяснив, незамедлительно телефонировать ему.

Наступила тишина: на том конце провода Фриц наводил справки, на этом ожидали его ответа, К. лежал, как и прежде, не шевелясь, смотрел прямо перед собой и, казалось, нисколько не интересуется происходящим. Доклад Мракауэра, где очевидная злобредность перемежалась с вкрадчивой опаской, наводил на мысль о своеобразной дипломатической выучке, которой в Замке уверенно владеют даже столь мелкие людишки. И в рвении, судя по всему, здесь тоже нет недостатка, вон, в главной канцелярии и ночью не дремлют. И, как выяснилось, довольно быстро отвечают на запросы — звонок Фрица не замедлил воспоследовать. Ответ, впрочем, оказался слишком короток, ибо Мракауэр уже в ярости шваркнул трубку.

— Я же говорил! — заорал он. — Никто не звал никакого землемера, а это просто бродяга, да еще и враль, если не что похуже.

В первую секунду К. показалось, что сейчас все — Мракауэр, крестьяне, трактирщик с трактирщицей — тут же на него набросятся, и он, лишь бы укрыться от первых тумачков, с головой юркнул под одеяло, но тут — не веря своим ушам, К. снова осторожно высунулся — телефон зазвонил еще раз, причем, как почудилось К., зазвонил как-то особенно требовательно и грозно. И хотя совсем невероятно было предположить, что и этот второй звонок тоже касается К., все

замерли, а Мракауэр кинулся к аппарату. Он долго выслушивал какие-то пояснения, потом тихо проронил:

— Выходит, ошибка? Как это неприятно, однако. И что, сам столоначальник звонил? Странно, странно. И как прикажете объяснить все это господину землемеру?

К. наострил уши. Выходит, Замок признал в нем землемера. С одной стороны, для него это не слишком благоприятное известие, ибо оно означает, что в Замке о нем все известно, там уже прикинули соотношение сил и вызов его принимают с усмешкой. С другой стороны, была тут, на его взгляд, и благоприятная подоплека, ибо снисходительность властей доказывала, что его недооценивают, а значит, предоставят ему большую свободу действий, чем он смел надеяться. Но если они там, заведомо и настолько уверенные в своем превосходстве, рассчитывают высокомерным признанием его статуса землемера постоянно держать его в страхе, то тут они просчитались: это лишь в первую секунду они его слегка припугнули, только и всего.

От робко приблизившегося к нему Мракауэра К. теперь просто отмахнулся, переселяться в хозяйскую горницу, как его ни упрашивали, отказался наотрез, соизволил только принять от хозяина стакан сонного отвара, от хозяйки — таз для мытья, мыло и полотенце, а требовать, чтобы очистили помещение, и вовсе не понадобилось, все и так, стараясь не оборачиваться, чтобы он завтра кого-нибудь не признал, уже толклись в дверях, торопясь выйти, — да и лампа тотчас погасла, и его наконец оставили в покое. Спал он крепко до самого утра, лишь разок-другой слегка потревоженный шмыгавшими мимо крысами.

После завтрака, за который, как и за все дальнейшее пребывание К., по уверениям хозяина, теперь должен платить Замок, К. намеревался тотчас отправиться в деревню. Но поскольку хозяин, с которым К., памятуя о вчерашнем его поведении, говорил односложно и сухо, теперь с немой мольбой в глазах вертелся поблизости, К. сжалился и позволил тому ненадолго присесть за стол.

— Я еще не знаком с графом, — начал К. — Говорят, за хорошую работу он и платит хорошо, это правда? Когда,

как я, от жены с ребенком в такую даль уезжаешь, хочется и вернуться не с пустыми руками.

— На этот счет, сударь, не изволь беспокоиться, на плохую оплату тут пока никто не жаловался.

— Что ж, — продолжал К., — я и сам не робкого десятка, в случае чего могу и господину графу напрямик свое мнение выложить, но, ясное дело, миром поладить с господами всегда лучше.

Трактирщик примостился напротив К. на краю подоконника, расположиться поудобнее он явно робел, и не спускал с К. испуганного взгляда широко распахнутых карих глаз. Сперва сам же около К. терся, а теперь, казалось, не чает ноги унести. Может, расспросы о графе его так встревожили? А может, он боится откровенничать с К., раз тот теперь оказался из «господ»? К. решил перевести разговор на другое. Глянув на часы, он бросил:

— Скоро помощники мои должны подъехать, ты сможешь их разместить?

— Конечно, сударь, — отозвался тот, — только разве они не будут жить с тобой в Замке?

Легко же он отказывается от постояльцев, а от К. в особенности, раз норовит непременно спровадить его в Замок.

— Это еще не наверняка, — заметил К. — Сперва надо выяснить, какую мне поручат работу. Если, к примеру, работать придется тут, внизу, то и жить удобнее здесь же. Да и вообще, боюсь, жизнь в Замке не больно-то по мне. Я люблю, когда я сам себе хозяин.

— Ты Замка не знаешь, — тихо проронил трактирщик.

— Разумеется, — согласился К. — Прежде времени ни о чем судить не стоит. Пока что о Замке я знаю лишь одно: толкового землемера там подобрать умеют. Как знать, может, найдутся у них и другие толковые качества.

И он встал, дабы избавить наконец испуганно кусающего губы хозяина от своего общества. С виду вроде простак — а не так-то просто войти к нему в доверие.

У дверей, уже на выходе, К. бросился в глаза темный, в темной же раме, портрет. Он, впрочем, еще со своего соломенного ложа успел его заприметить, однако издали раз-

глядеть не смог и решил даже, что саму картину из рамы вынули и видит он только черный задник. Но это все-таки была картина, поясной портрет некоего господина лет пятидесяти. Голова мужчины опущена так низко, что глаз не видно почти вовсе, зато при таком наклоне резко выдавался вперед высокий, омраченный думами лоб и нос, загнутый клювом. Окладистая борода, придавленная к груди тяжелым подбородком, смотрела торчком. Левая, запущенная в густые волосы рука подпирала чело, но приподнять его, казалось, не в силах.

— Это кто? — поинтересовался К. — Граф?

К. застыл перед портретом, даже не взглянув на хозяина.

— Нет, — отозвался тот. — Это кастелян.

— Кастелян в Замке и вправду красавец, — заметил К., — жаль только, с сынком ему не повезло.

— Да нет, — возразил хозяин и, слегка притянув К. к себе, зашептал ему на ухо: — Мракауэр вчера приврал, его отец всего лишь младший кастелян, да и то из самых последних.

В эту секунду трактирщик почему-то показался К. сущим ребенком.

— Каков наглец! — усмехнулся К., но хозяин не улыбнулся, только заметил:

— И *его* отец — тоже власть.

— Да ладно тебе, — бросил К. — У тебя, похоже, все власть. Может, скажешь, и я тоже?

— Ты? — робко, но серьезно переспросил тот. — Нет, ты не власть.

— В наблюдательности тебе не откажешь, — заметил К. — По совести сказать, я и вправду человек небольшой. А значит, имею к власти не меньше почтения, чем ты, только я не такой откровенный, как ты, и не всегда готов это почтение выказывать.

И К. то ли в утешение, то ли в надежде заручиться расположением хозяина слегка похлопал его по щеке. Только теперь тот наконец робко улыбнулся. Он и вправду был как мальчишка — лицо мягкое, округлое, почти безбородое. И как его угораздило обзавестись столь необъятной и отнюдь не молодой супругой, которая сейчас — в окошке

раздачи ее хорошо было видно, — широко расставив локти, деловито хозяйничала на кухне у плиты. Но К. не стал больше донимать трактирщика расспросами, не стал прогонять с его лица эту улыбку, с таким трудом отвоеванную, а только взмахом руки велел отворить перед собой дверь и вышел навстречу ясному зимнему утру.

Теперь наконец в прозрачном морозном воздухе он узрел наверху Замок во всей четкости его очертаний, припорошенных к тому же, словно контуром, тонким слоем снега, что без конца и края укрыл округу своей пушистой пеленой. Кстати, там, на горе, снега, казалось, гораздо меньше, чем здесь, в деревне, где К. пробирался по сугробам с таким же трудом, что и вчера по проселку. Здесь снег подпирал подоконники приземистых домишек и тяжелой бахромой нависал навстречу с низких крыш, тогда как там, на горе, все свободно и легко устремлялось ввысь, — по крайней мере отсюда, снизу, так казалось.

В целом же Замок, каким он вырисовывался сейчас из своей дали, вполне соответствовал тому, что К. предполагал увидеть. Не старинная, рыцарских времен, крепость и не красиво поставленный особняк, а распластавшаяся в длину постройка из нескольких двухэтажных зданий и множества лепившихся друг к дружке строений поменьше и пониже; всё вместе, если не знать, что это и есть Замок, вполне можно принять за небольшой городишко. Башня виднелась только одна, и к чему она относится — к церкви или к жилому дому, — понять было невозможно. Стаи ворон кружились над ней.

Не своя с Замка глаз, К. двинулся вперед, — казалось, ни до чего больше ему нет дела. Но по мере приближения Замок его разочаровывал, это действительно оказался довольно жалкий городишко, кое-как слепленный из неказистых, деревенского вида домов, разве что построено все вроде как из камня, но штукатурка давно облупилась, да и камень, судя по всему, тоже трещинами пошел и крошился. К. невольно вспомнился родной город, уж он-то, пожалуй, нисколько этому так называемому Замку не уступит, и прибудь сюда К. просто так, глянуть из праздного

любопытства, то жалко было бы времени и сил, зря потраченных на столь дальнее странствие, — куда разумней было бы съездить снова на родину, где он так давно не бывал. И он мысленно сравнил церковную башню у себя на родине с башней там, наверху. Та, что на родине, сужающаяся кверху, устремленная ввысь прямо и без колебаний, увенчанная солидной кровлей из красной черепицы, была сооружением хоть и вполне земным, — а разве посильно людям сооружать что-то иное? — но созданным с более возвышенной целью, нежели убогая толчая жилищ внизу, и с более торжественным смыслом, нежели тусклая череда невразумительных людских буден. Здешняя же башня — единственная, какую он на горе разглядел, башня жилого дома, как теперь все очевидней казалось, быть может, башня главного корпуса Замка, — напоминала скорее неказистую кадущку, кое-где из милосердия прикрытую плющом, с маленькими оконцами, что подслеповато тарачились сейчас на солнце, придавая всему строению налет тихого безумия, и увенчивалась чем-то вроде наверхия, зубцы которого, разные, неровные, вкривь и вкось, словно наспех нарисованные рукой перепуганного или поленившегося ребенка, нелепо вгрызались в голубизну неба. Видом своим башня напоминала горемычного приживалу, которому место в самой дальней и темной камерке дома, а он вдруг проломил крышу и зачем-то выставился всему свету на обозрение.

К. вновь остановился, словно стоя ему легче уразуметь увиденное. Но его отвлекли. За деревенской церковью, возле которой он стоял, — по сути, это была часовня с более поздней, наподобие сарая, пристройкой, чтобы все прихожане могли поместиться, — оказалась школа. Длинное низкое здание, странным образом сочетавшее в себе приметы глубокой старины и убогой временки, укрылось за решеткой забора в саду, который сейчас походил просто на заснеженную поляну. Из школы как раз высыпали дети во главе с учителем. Обступив учителя тесной гурьбой и не спуская с него глаз, дети без умолку и наперебой галдели, да так быстро и все скопом, что К. не мог разобрать ни слова. Учитель, тщедушный, узкоплечий молодой человек,

очень прямой и какой-то почти до смешного подтянутый, заметил К. еще издали; впрочем, вокруг, если не считать самого учителя и ребят, никого больше и не было. Как и положено приезжему, особенно при виде хоть и маленького, но столь начальственного человека, К. поздоровался первым.

— Добрый день, господин учитель, — сказал он.

Дети, как по команде, разом смолкли, и эта внезапная тишина в ожидании его ответа, видимо, настроила учителя на благодушный лад.

— Что, Замок разглядываете? — спросил он мягче, чем К. ожидал, однако тоном, в котором явственно слышалось неодобрение.

— Да, — ответил К. — Я нездешний, только со вчерашнего вечера в ваших местах.

— И Замок вам не нравится? — неожиданно спросил учитель.

— Что-что? — переспросил слегка обескураженный К. и повторил вопрос учителя, но в более учтивой форме: — Нравится ли мне Замок? А почему вы считаете, что он мне не нравится?

— Он никому из приезжих не нравится, — изрек учитель.

К., опасаясь сказать что-нибудь невпопад, на всякий случай решил перевести разговор на другое:

— Вы, конечно, знаете графа?

— Нет, — отрезал учитель и отвернулся, желая закончить разговор, но К. не позволил ему этого сделать, повторив свой вопрос:

— Как? Вы графа не знаете?

— Да откуда мне его знать? — тихо ответил учитель и уже громко добавил по-французски: — Поостерегитесь хотя бы при детях!

К., однако, счел, что это замечание дает ему право на следующий вопрос:

— Нельзя ли как-нибудь зайти к вам, господин учитель? Я приехал надолго и чувствую себя довольно неприкаянно, я ведь и в деревне всем чужой, и к Замку вроде бы тоже отношения не имею.

— Между деревней и Замком различия нет, — заметил Учитель.

— Может быть, — согласился К., — но мне от этого не легче. Так вы позволите как-нибудь к вам заглянуть?

— Я живу в Лебязьем переулке, в доме мясника.

И хотя это было скорее сообщение адреса, чем приглашение в гости, К. живо подхватил:

— Хорошо, так я приду.

Учитель кивнул и с ватагой детворы, тотчас снова загалдевшей, двинулся дальше. Вскоре все они скрылись за горбом пригорка, круто заваливающегося вниз.

К., однако, был расстроен, разговор его раздосадовал. Впервые после приезда он вдруг почувствовал, что по-настоящему устал. Поначалу-то казалось, что дальняя дорога ничуть его не утомила, — шаг за шагом, спокойно и уверенно, шел он сквозь череду дней, — зато теперь последствия непомерного напряжения начали сказываться, и конечно, в самое неподходящее время. Его неудержимо влекло искать новых встреч и знакомств, но всякое новое знакомство усугубляло усталость. Так что если он в нынешнем своем состоянии сумеет заставить себя продлить прогулку хотя бы до ворот Замка, этого будет вполне достаточно.

И он снова двинулся вперед, но путь оказался неблизкий. Улица — та, по которой он шел, главная улица деревни — вела вовсе не к замковой горе, но лишь по направлению к ней, а потом, почти у подножия, вдруг, как нарочно, уклонялась в сторону и вроде бы не удалялась от Замка, однако и не приближалась к нему. К. все ждал, когда дорога наконец повернет к Замку, собственно, только в ожидании этого поворота он шел и шел вперед, не решаясь — очевидно, вследствие усталости — сойти с дороги и дивясь про себя протяженности деревни, которая никак не кончалась: снова и снова тянулись по сторонам низенькие избенки, подернутые морозным узором окошки, снег, безлюдье, — пока наконец он не заставил себя сойти с дороги, чья накатанная колея держала его словно привязью, и его принял в свое русло узенький переулок, где снег, однако, оказался еще глубже и вытаскивать ноги из вязких сугробов было еще трудней,